

В качестве любопытного раритета в области реалий может быть указано слово *п а п л о м а* (паполома в «Слове»), бытующее в центральных родопских говорах в Болгарии и известное диалектам Прикарпатской Гудульцины.

А. Н. Робинсон
(Москва)

Одной из наиболее важных и заманчивых задач дальнейшего изучения «Слова о полку Игореве» по-прежнему остается исследование его стиля. Коснусь здесь только двух условий решения этой задачи.

1. Нередко анализ стиля «Слова» не выходит за пределы обнаружения в нем многочисленных и разнохарактерных стилистических компонентов, которые подбираются и классифицируются в разных значениях и сочетаниях: это могут быть «элементы» живой народной речи (для XII в. нам не известной) и феодальной терминологии, фольклорной образности (предполагаемой) и всевозможных восточнославянских или иноземных литературных традиций (от летописи до Библии); это могут быть также «элементы» мифологии, средневекового символизма, реализма и т. п. В этом отношении накоплен уже огромный материал, несомненно полезный для первоначальных этапов изучения стиля памятника и необходимый для его комментирования. Однако, ограничившись таким анализом, мы едва ли сможем создать обобщенное представление о «Слове», как о выдающемся литературном памятнике, так как в этих условиях произведение по существу остается за пределами историко-литературного процесса, автор же его превращается в блестящего компилятора цестрых «элементов», собранных им из разных источников. Между тем, все известные многочисленные аналогии такого рода не в состоянии объяснить историко-литературного происхождения и структуры метафорически-символического стиля «Слова», так как ни одно из произведений и ни один из стилей речи, откуда подобные «элементы» извлекались, в целом (а подчас и в деталях) свойственными «Слову» особенностями (типowymi и индивидуальными) не обладают. Приведу примеры, относящиеся к характеристике двух деталей стиля «Слова». Известные ссылки на то, что в летописи, а иногда и в фольклоре встречается сравнение полета стрел с дождем («аки дождь»), оказываются недостаточными для объяснения той структуры, которую приобретает подобное сравнение в «Слове»: «Итти дождю стрелами». Обычные указания на фольклорность образа лебеда («белая лебедушка» и т. п.) или ссылки на биологические повадки лебеда-кликуна, замечания об отличном знании автором «Слова» и природы и половецкого быта (в частности, скрип неподмазаных телег половцев) — правомерны при комментировании следующего текста: «крычат телеги полуноцы, рци, лебеди роспущени» — не могут пояснить сложную поэтическую структуру данного образа «Слова».

Таким образом, остается в силе задача изучения стиля «Слова» как целостной и своеобразной художественной системы. Такое изучение однако не должно быть имманентным. Несмотря на невосполнимую скудость сохранившихся материалов, оно должно приобрести историко-литературный характер.

Известно, что даже крупнейшие писатели нового времени (например, Пушкин) зависели от своих литературных предшественников и, в особенности, — в отношении использования ими определенного комплекса средств словесной изобразительности. В средние века такая зависимость проявлялась в значительно большей степени. Создание неповторимого и внутренне единого стиля «Слова» не могло быть следствием внешне возникшего объединения стилистических «элементов», непосредственно почерпнутых автором из всех существующих в его время видов и форм речи. Оно могло быть только результатом опоры писателя на уже сложившуюся высокую поэтическую культуру его предшественников (сам автор указал на одного из них — Бояна). Новаторство писателя проявилось в творческой борьбе с воспитавшей его дружинно-эпической традицией, в обогащении ее новыми идеями и образами.

Плодотворные по идее, но дилетантские по осуществлению попытки Е. В. Барсова дать общую характеристику питавшей поэтику «Слова» дружинной литературной «школы» («Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси), М., 1887—1890, тт. 1—3) рано заглохли, раздробившись впоследствии на множество исследований отдельных вопросов. В некоторых исследованиях (Д. С. Лихачев) было раскрыто в художественной системе «Слова» наличие не только обильной военно-феодальной терминологии, но и специфической для данной среды символики.

Хорошо известно, что Киевская Русь находилась в постоянных военных, экономических и культурных сношениях с Византией, славянскими странами, Скандинавией и с различными кочевыми народами тюркского происхождения. Дружинная среда по своему нередко разнохарактерному социальному и национальному составу, по военной и политической деятельности, по свойственному ей походному образу жизни, а также и по родственным связям ее членов и руководителей, постоянно находилась в центре многообразных внутренних столкновений отдельных феодалов и внешних сношений всего русского государства. Поэтому и дружинная поэзия находилась в сфере пересечения отечественных народно-поэтических и литературно-феодалных традиций с аналогичными традициями народов востока и запада (вернее — юго-востока и северо-запада). Исследование стиля «Слова» базировалось чаще всего на тех наиболее доступных материалах, которые могли отражать лишь отдельные стороны этого своеобразного культурного и